

Глава 1



В недрах земли

*Шахта Пюи-дю-Сантр, поселок Феморо,
четверг, 11 ноября 1920 г.*

Предупредить товарищей Тома не смог. Он услышал странный щелчок, увидел голубоватый ореол пламени шахтерской лампы, но прежде чем молодой углекоп успел крикнуть, у него за спиной разверзлась преисподняя.

Волна воздуха, подобно вздоху гигантского чудовища, сотрясла земные недра. В одно мгновение пространство забоя затянуло угольной пылью. Отовсюду слышались глухое рычание и устрашающий треск, перемежающиеся воплями ужаса и боли.

И невозможно нащупать пол или стену, чтобы хоть как-то сориентироваться в пространстве... Деревянная обшивка штрека разлетелась в убийственные клочья, к которым примешались гравий и куски коричневой затвердевшей земли.

Перепуганный юноша всем телом прижался к каменной стенке, прикрыв лицо каской, чтобы не задохнуться. Сердце стучало в груди, как бешеное, все тело сотрясала дрожь. Раньше, спускаясь в шахту, он и мысли не допускал, что может случиться взрыв рудничного газа. По рассказам стариков, такое частенько бывало, но не в этих краях, а далеко — на севере Франции или в Англии.

Тома не осмеливался подать голос, пытаясь понять, сколько товарищам-углекопам, работавшим с ним в забое, повезло уцелеть. Сердце все еще билось слишком часто, слишком сильно. Щеки и подбородок были в земле,

волосы слиплись от пота. Ему приходилось прикладывать усилия, чтобы не стучать зубами. Глаза, обычно смотревшие на мир с веселым лукавством, затуманил животный страх.

«Что случилось? — промелькнула мысль. — Неужели газовый карман? Какой жуткой силы взрыв! И малыш Пйотр впереди, меньше чем в метре от меня! Я обязан его найти! Ради Йоланты!»¹

Внезапно ощутив вкус крови, Тома подумал, что ранен, но оказалось, что он всего лишь прикусил губу во время взрыва.

Мысли снова устремились к невесте, к Йоланте. Она была полька. Их семья перебралась в Феморо во время первой мировой, в сентябре 1915 года. Всех мужчин призывного возраста мобилизовали, поселок опустел, и на шахте катастрофически не хватало рабочих рук. Поэтому горнорудная компания стала охотно нанимать польских переселенцев. В то время Йоланте было всего шестнадцать, что не помешало ей, однако, влиться в бригаду «*кюль-а-гайет*»² — так в здешних краях называли женщин, занятых на сортировке угля.

В первый раз Тома увидел Йоланту в бледном свете ламп, когда она, по примеру других женщин, вытирала почерневшие от грязи руки о полотняные штаны. Но этой обыденной детали он даже не заметил. Зато обратил внимание на серебристо-русую прядь, упавшую из-под платка на тонкую девичью шею, и светлые голубые глаза. И решил про себя, что приударит за милой девушкой в ближайшее же воскресенье.

Нахлынули воспоминания. С легкой горечью молодой углекоп подумал, что прошло уже пять лет, а они, несмотря на пылкую любовь, до сих пор не женаты. «Свадьбу мы сыграем, и очень скоро! — мысленно пообещал он. — Не может быть и речи о том, чтобы ее опозорить!»

¹ Пйотр и Йоланта — польские имена, соответственно мужское и женское. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

² Culs à gaillettes — буквально «угольные задницы». (Примеч. пер.)

При мысли, что он мог никогда не увидеть ребенка, которого невеста носит под сердцем, у него заныло в груди. Судьба распорядилась по-иному. Он чудом остался жив. А значит, должен выполнить свой долг — помочь братьям по несчастью, позаботиться о тех, кто в этом нуждается. И первое, что нужно сделать, — самому выбраться из-под завала.

— Пьер! Пйотр! — позвал он. — Где ты, малыш? Эй! Пас-Труй¹, ты тут?

Прозвища у углекопов — обычное дело, и берутся они из жизненных историй, которые мужчины рассказывают друг другу в перерыве — в те блаженные минуты, когда можно наскоро чем-то подкрепиться. Перекус состоял чаще всего из хлеба с фасолевым паштетом, щедро сдобренным жиром, чесноком и петрушкой, который запивали водой из фляги. Употребление вина и других алкогольных напитков в шахте строго запрещено.

— Тома! — послышался голос словно бы издалека. — Тома, помоги!

— Пьеро², малыш, ты только держись! Я уже иду!

Ошибки быть не могло — это Пйотр, младший брат Йоланты! Мальчик до сих пор говорил с выраженным польским акцентом. Горняки быстро переименовали его на французский манер, в Пьера, поскольку польский вариант имени выговорить было сложно.

Тома принялся на ощупь разбирать огромную гору обломков, преградившую ему путь. Деревянная обшивка, поддерживавшая потолок и стены штрека, местами обрушилась, пропустив внутрь груды земли и камней.

— Я уже иду! Я тебя вытащу! Пьер, ты там один?

— Кажется, один! Только ничего не видно... — ответил подросток.

¹ Passe-Trouille — прозвище, буквально «Не дрейфь!» (Примеч. пер.)

² Уменьшительно-ласкательное от «Пьер». (Примеч. пер.)

— Мне тоже! Не знаю, куда подевалась моя лампа. Наверное, засыпало. Но если бы я ее и нашел, зажигать нельзя: вдруг газ еще остался, может рвануть...

Тома присел на корточки и стал разгребать камни. Очень скоро пальцы одеревенели от боли.

— Поищу-ка я обушок!

Тома попытался нащупать свой инструмент и вдруг задел ногой что-то непонятное, одновременно плотное и упругое. По спине пробежал холодок. Похоже на людскую плоть. Он прекрасно помнил, что Пас-Труй, прозванный так за свою склонность к запугиванию новичков-галибо¹ страшными историями из шахтерской жизни, работал у него за спиной, причем довольно близко.

— Боже правый! — прошептал он.

Тома осторожно ощупал неподвижное тело, придавленное свалившейся сверху балкой.

— Эй, Пас-Труй! Отзовись, черт бы тебя побрал!

Тома еще раз убедился, что это действительно его товарищ, пробежавшись пальцами по выбившимся из-под каски кудрявым волосам, по животу и бокам. Потом начал трясти его, снова и снова, но Пас-Труй даже не шевельнулся. А ведь у него шестеро детей!

— Неужели и остальные — тоже? — вырвалось у Тома. — А бригадир? Он-то где?

Юноша в волнении перекрестился. Альфред Букáр, бригадир, шел в забое следом за Пас-Труем. Он был мастером своего дела, бдительным и осторожным.

— Эй, Тома! — послышался испуганный голос Пьера. — Ради Пресвятой Девы, зять, помоги мне!

— Уже иду, малыш! Иду!

Тома решил, что сейчас не время выяснять, кто из товарищей погиб. Надо позаботиться о живых. Преисполнившись решимости, он обшаривал землю вокруг себя и рядом с телом

¹ Galibots (*диал.*) — самые юные работники шахты. (*Примеч. пер.*)

Пас-Труя, пока не наткнулся на обушок. Помогая себе инструментом, он стал еще активнее разгребать завал.

«Нас обязательно спасут! — думал он, ни на секунду не отрываясь от тяжелой работы. — Парни из соседних забоев наверняка уже оповестили дирекцию! Они пришлют людей!»

— Чертов завал никогда не кончится! — громко выругался углекоп, продвигаясь ползком и помогая себе локтями.

Дело пусть медленно, но двигалось, и Тома утешал себя мыслью, что Пьеру по меньшей мере есть чем дышать. Доказательством тому были непрекращающиеся крики парнишки.

— Я слышу, как ты стучишь и как осыпается земля! Уже немного осталось! — повторял мальчик дрожащим голосом. — Господи, как же мне повезло, что ты не погиб, иначе сгнить бы мне тут заживо! Никто бы меня не нашел, это точно!

— Скажи лучше, ты в порядке? Руки-ноги целы?

— Не знаю, мне ногу привалило. Не могу сказать, цела ли она, я ее не чувствую.

— Не шевелись, скоро я тебя вытащу!

Тома, невзирая на боль, удвоил усилия. Через время ему удалось расширить узкую щель. Оттуда потянуло сыростью, и во рту у Тома появился неприятный привкус железа.

— Пьер!

— Я тут! Тебя лучше слышно, наверное, ты совсем близко! Проклятье! Была бы у нас лампа! Хотя бы одна!

— Немедленно перестань злословить, маленький негодник! — попытался пошутить Тома. — Твоей сестре это не понравилось бы!

— Но ты же ей не расскажешь, правда, зятек? — возразил паренек со смешком, который закончился всхлипом боли.

Оба сконфуженно умолкли. Тома, тяжело дыша, углубился в узкий проход. Понадобилось несколько ударов обушком, и плечи уже можно было протиснуть внутрь. Он дорого дал бы сейчас за малую толику света, которая позволила бы разглядеть круглую мордашку и карие глаза мальчишки.